

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят пятая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
29 December 2000
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 17-м заседании,

состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в пятницу, 27 октября 2000 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Полити (Италия)

Содержание

Заявление Председателя Международного Суда

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

Заседание открывается в 10 ч. 15 м.

Заявление Председателя Международного Суда

1. **Г-н Гийом** (Председатель Международного Суда) говорит, что он хотел бы привлечь внимание членов Комитета к явлению, вызывающему серьезную обеспокоенность научных кругов и юристов-практиков: увеличению количества международных судебных органов и последствиям этого увеличения для международного права.

2. В течение длительного времени единственным органом международного правосудия была Постоянная Палата Международного Правосудия, созданная в 1920 году. Ее замена Международным Судом примерно совпала по времени со становлением других судебных органов, первоначально действовавших на региональном, а затем и на глобальном уровнях. В 1950 году был создан Европейский суд по правам человека, в 1957 году — Суд Европейских Сообществ, а в 1981 году — Межамериканский суд по правам человека. За последние два десятилетия число судов возросло еще больше. В 1996 году стал действовать Международный трибунал по морскому праву, сформированный на основании Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года. В 1994 году было принято Марракешское соглашение о создании Всемирной торговой организации, которое предусматривало учреждение квазисудебного механизма урегулирования споров в рамках этой организации. Ратифицируемые в настоящее время соглашения через определенное время приведут к созданию Африканского суда по правам человека и Международного уголовного суда. Кроме того, учрежден целый ряд специальных трибуналов, например Трибунал по урегулированию взаимных претензий между Ираном и Соединенными Штатами или международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде.

3. Такое значительное увеличение количества международных судебных органов следует рассматривать в контексте более значительных изменений в международных отношениях. Сфера межгосударственных отношений расширилась и диверсифицировалась: государства сотрудничают между собой в таких областях, как безопасность, экономика, окружающая среда, научные исследования, связь и транспорт.

Негосударственные субъекты — коммерческие компании, неправительственные организации и частные лица — также все чаще участвуют в транснациональной деятельности, которая сама по себе стала более разнообразной вследствие определенной тенденции, которую, вне всяких сомнений, усилят технологические прорывы, например в области телекоммуникаций. Существенно важно охватить эти виды деятельности правовым регулированием, вследствие чего увеличение количества судов может рассматриваться как процесс адаптации к фундаментальным изменениям.

4. Международное право само по себе стало более сложным и разнообразным. Иногда права человека, экологическое право, морское или космическое право рассматриваются как специализированные разделы международного права. В то же время необходимость разрешения определенных видов межгосударственных споров органами, учитывающими конкретные местные условия, обусловила создание региональных трибуналов. Хотя такие трибуналы не создавались с учетом появления новых категорий субъектов права, жизнь все чаще требует участия таких субъектов в судебном процессе. Эта тенденция не осталась без определенных последствий в экономической сфере, о чем свидетельствуют создание Суда Европейских Сообществ или решения, в которых орган по урегулированию споров в рамках Всемирной торговой организации недавно согласился на участие одной из неправительственных организаций в качестве *amicus curiae*. То же самое происходило и в области прав человека. Физические лица, неправительственные организации или группы физических лиц могут обращаться с исками в Европейский суд.

5. Может показаться, что увеличение количества судебных органов представляет собой реакцию на недавние события в жизни международного сообщества; тем не менее этот процесс сопровождался нежелательными и, возможно, далеко идущими последствиями для международного права с точки зрения как процедуры, так и содержания. Во-первых, все чаще происходит пересечение юрисдикций. Даже в первой половине XX века государства имели возможность прибегать либо к арбитражу, либо передавать свои дела в Постоянную Палату

Международного Правосудия. Увеличение количества судов породило целый спектр других возможностей и открыло путь для своего рода межорганизационной «конкуренции». Так, в соответствии со статьями 287 и 288 Конвенции по морскому праву Международный трибунал по морскому праву может разбирать дела, связанные с применением Конвенции, хотя Международный Суд также имеет юрисдикцию в этой области. Действительно, государства традиционно передавали морские споры на рассмотрение в Международный Суд. Аналогичное пересечение юрисдикции происходило и в других областях международного права, что привело к двум основным последствиям: «форум-шоппину», т.е. возможности выбирать судебный орган, как покупатель выбирает вещь в магазине, и проблеме коллидирующих решений.

6. Наличие нескольких инстанций, которые могут объявлять себя компетентными для заслушивания конкретного спора, дают сторонам — обычно истцу, действующему в одностороннем порядке, — возможность выбирать тот суд, который больше подходит ему, учитывая такие соображения, как доступность, используемые процедуры, состав суда, его практика и его полномочия выносить определенные виды решений. Например, вполне вероятно, что истец по *делу о голубом тунце* выбрал Международный трибунал по морскому праву, поскольку он был заинтересован в принятии конкретных и реально выполнимых решений. В этом контексте следует отметить, что временные меры, определенные Трибуналом, были впоследствии отменены арбитражным трибуналом, в который был передан спор. «Форум-шоппинг» может породить конкуренцию между судами и стимулировать развитие у них творческого подхода, однако существуют также и отрицательные последствия. Выбор того или иного суда может, например, быть мотивирован тем фактом, что его судебная практика представляется более благоприятной с точки зрения некоторых доктрин, концепций или интересов, чем судебная практика другой судебной инстанции. Кроме того, поскольку все судебные инстанции имеют тенденцию — осознанную или неосознанную — определять свою полезность по частотности обращений, суды могут оказаться перед соблазном выносить такие решения, которые обеспечивали бы увеличение рабочей нагрузки в ущерб более объективному

подходу к правосудию. Такое развитие событий нанесло бы серьезный ущерб.

7. Вторым тревожным последствием пересечения юрисдикций является то, что оно увеличивает риск вынесения коллидирующих решений. Национально-правовые системы, которые на протяжении длительного времени сталкиваются с этой проблемой, разрешали ее двумя способами: посредством формирования четкой иерархии судов и формулирования норм, касающихся нахождения дела в процессе рассмотрения, и *res judicata*. В рамках международной системы такие механизмы отсутствуют. Поэтому международным судам следует координировать осуществление своих индивидуальных юрисдикций в случаях, когда несколько судов считают себя компетентными заслушивать дело. Такая координация в значительной степени зависит от подхода со стороны судей и от их способности определить свою собственную компетенцию с учетом своего места в международно-правовой системе. Например, Международный трибунал по бывшей Югославии сам принял решение о законности своего учреждения. Впрочем, едва ли можно предположить, что он вынес бы решение в ущерб своим интересам, и, возможно, было бы более уместно, если бы он обратился к Совету Безопасности с просьбой запросить консультативное мнение Международного уголовного суда. В более общем плане, если два суда, которые являются в полной мере компетентными, занимаются одним и тем же спором, то не вызывает сомнений, что один из них должен отказаться от его рассмотрения. Тем не менее это обстоятельство ставит вопрос о критериях такого решения. Например, иногда юрисдикции пересекаются в контексте лишь одного из спорных вопросов. Прежде всего важно обеспечить последовательность в отношении *res judicata* между различными инстанциями, с тем чтобы гарантировать обоснованность выносимых решений.

8. Хотя расширение круга судов привело к увеличению количества дел, рассматриваемых судами, что повлекло за собой развитие и обогащение международного права, существует также серьезная опасность возникновения непоследовательности в судебной практике. Признается, что суды испытывают серьезную

обеспокоенность в связи с необходимостью избежать такой непоследовательности. Так, Международный Суд ведет регистрацию решений, выносимых другими судами, и все чаще ссылается на них. Всего такие ссылки содержатся примерно в 15 решениях Суда. Например, в *деле о споре в отношении сухопутных и морских границ и границ между островами между Сальвадором и Гондурасом*, Суд в 1992 году сослался на решение Центральноамериканского суда, вынесенное в 1917 году. В 1993 году в *деле, касающемся делимитации морского пространства в районе между Гренландией и островом Ян-Майен*, Суд проанализировал вынесенное Англо-французским арбитражным трибуналом в 1977 году решение по *делу о Мер-д'Ируаз* и заимствовал из него обоснование решения. Далее, при рассмотрении *дела об острове Касикили/Седуду* (Ботсвана против Намибии) Суд обосновал свое решение, используя арбитражное решение, вынесенное по *делу Лагуна дель Десьерто* (Чили против Аргентины).

9. Аналогичным образом, некоторые специализированные суды часто использовали судебную практику Суда или предшествовавшего ему органа. Межамериканский суд по правам человека широко цитировал материалы *дела о Хожувской фабрике*, *дела о судне «Лотос»* и *дела о проливе Корфу*, а Международный трибунал по бывшей Югославии несколько раз сослался на решение Суда по *делу о компании «Барселона трэкин»*. Орган, ответственный за урегулирование споров в рамках Всемирной торговой организации, неоднократно ссылался на судебную практику Суда. Так, в рамках своего недавнего решения о *мерах Европейского сообщества в отношении мяса и мясопродуктов (гормоны)*, он принял к сведению выводы Суда, сделанные по *делу о проекте Габчикова-Надьямарош* (Венгрия против Словакии) в отношении существования принципа осторожности. Трибунал по урегулированию взаимных претензий между Ираном и Соединенными Штатами также достаточно широко использовал судебную практику Суда.

10. Тем не менее опасность непоследовательности остается существенной. В научных кругах в течение длительного времени обсуждался вопрос о том, существует ли опасность того, что палаты Международного Суда, чей состав может

варьироваться в зависимости от желания сторон, будут формировать свою собственную судебную практику, что чревато хаосу. Этот вопрос, по сути дела, утратил свою актуальность, поскольку государства, как правило, предпочитают, чтобы касающиеся их дела заслушивал Суд в полном составе. В любом случае отдельные суды, которые должны применять одинаковые нормы права, намного больше рискуют в связи с возможностью коллизий в судебной практике по сравнению с отдельными органами, созданными в рамках той же инстанции.

11. Вероятность возникновения таких коллизий особенно высока в специализированных судах, которые склонны рассматривать свой раздел права как приоритетный. Например, в *деле Лоузиду против Турции* Европейский суд по правам человека занял позицию, отличную от позиции Международного Суда по вопросу о территориальных оговорках в заявлениях о признании юрисдикции Суда обязательной. Хотя Международный Суд, как и предшествовавший ему орган, последовательно утверждал, что такие оговорки являются правомерными и должны признаваться, Европейский суд принял иное решение. Следует признать, что решение Европейского суда может рассматриваться как пример *lex specialis*, в основу которого положены конкретные особенности системы Европейской конвенции о правах человека. Тем не менее он отступил от судебной практики Международного Суда, сославшись на Венскую конвенцию о праве международных договоров.

12. Еще более красноречивым примером этой тенденции служит позиция Международного трибунала по бывшей Югославии, который в своем решении по существу дела *Обвинитель против Душко Тадича* в июле 1999 года выступил с эксплицитной критикой Международного Суда и отказался следовать его решению. В целях определения своей компетенции Трибунал должен был установить наличие международного вооруженного конфликта в Боснии и Герцеговине, доказав, что некоторые участники внутреннего конфликта действовали под контролем иностранной державы, в частности Югославии.

13. Анализируя этот вопрос, Трибунал сослался на решение Суда по *делу, касающемся военных и военного характера действий в Никарагуа и против*

Никарагуа, но не согласился с ним. Рассматривая это дело, Трибунал возразил против использованного Судом критерия того, действительно ли Соединенные Штаты Америки контролировали деятельность «контрас», и принял новую интерпретацию международно-правовых норм об ответственности государств. Отдав предпочтение менее строгому критерию присвоения ответственности, Трибунал заявил, что при наличии организованных групп комбатантов достаточно доказать, что эти группы в целом действовали под общим контролем иностранного государства. По мнению Трибунала, этот критерий обуславливает ответственность государства за деятельность группы независимо от того, были ли действия каждого отдельного лица конкретно навязаны, испрошены или предписаны данным государством.

14. Эти примеры свидетельствуют о том, что растущая специализация международных судов чревата серьезной опасностью утраты общности подхода. Разумеется, международное право должно адаптироваться к существующим условиям, как это всегда происходило с национальным правом, и к местным и региональным потребностям. Тем не менее международное право должно сохранять свою целостность. Поэтому вопрос состоит в том, каким образом добиться того, чтобы увеличение количества судов приводило к обогащению международного права, а не к анархии.

15. В первую очередь, прежде чем создавать новый суд, необходимо рассмотреть вопрос о том, не могут ли его предполагаемые функции выполняться одной из существующих инстанций, как это имело место в случае с административными трибуналами Организации Объединенных Наций и Международной организации труда. Необходимо также ставить вопрос о том, каким образом в рамках существующей системы решать проблему отсутствия структурных связей между различными судами: следует ли этот вопрос оставить на усмотрение судей, либо должны быть осуществлены какие-то структурные изменения. Сам будучи судьей, он хотел бы, чтобы можно было оставить решение этого вопроса на усмотрение судей, которые должны осознавать опасности дробления и непоследовательности судебной практики. Тем не менее такого минимального решения недостаточно. Каждый институт проявляет тенденцию к самостоятельности. Поэтому нужно

институционально закрепить отношения между различными судами.

16. Международный Суд остается главным судебным органом Организации Объединенных Наций и единственным судом с универсальной и общей юрисдикцией. Более того, солидный стаж Суда придает ему особый авторитет. Тем не менее механизмы, способные дать Суду возможность выполнять эту роль, по-прежнему чрезвычайно ограничены. Так, хотя он может выступать в роли апелляционной инстанции для обжалования решений Совета Международной организации гражданской авиации, эта процедура используется весьма редко. Кроме того, его право пересматривать решения международных административных трибуналов также было недавно ограничено. Действительно, возможность запрашивать консультативное мнение Суда была недавно оставлена лишь за некоторыми органами и специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций. Такое ограничение его полномочий было, пожалуй, излишним.

17. Предлагалось поручить Суду задачу рассматривать апелляции или пересматривать решения, вынесенные другими международными судами. Впрочем, для этого была бы нужна твердая политическая воля со стороны государств и серьезные изменения в работе Суда, которому потребовались бы существенные ресурсы. В наличии такой воли приходится сомневаться. Альтернативным решением, предложенным Председателем Международного Суда в его обращении к Генеральной Ассамблее в 1999 году, стало бы такое положение, при котором в целях уменьшения возможности коллизионных интерпретаций норм международного права другим международным судам предлагалось бы запрашивать мнение Суда по вызывающим сомнения или особо важным аспектам общего международного права, возникающим в разбираемых ими делах. Такая процедура предусмотрена в законодательстве Европейского сообщества в рамках статьи 234 Римского договора (бывшей статьи 177), в соответствии с которой национальные суды государств — членов Европейского союза могут — и в некоторых случаях обязаны — передавать вопросы, подлежащие рассмотрению и разрешению на предварительном слушании дела, в Суд

Европейских Сообществ. Тем самым обеспечивается целостность права Сообщества.

18. Аналогичная процедура могла бы использоваться в общем международном праве. Поскольку Международный Суд имеет компетенцию для заслушивания ходатайств о вынесении консультативных мнений, поступающих от Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, международные суды, являющиеся органами Организации Объединенных Наций, могли бы просить Совет Безопасности запрашивать консультативные мнения от их имени у Суда. Такое же решение можно было бы предусмотреть в отношении международных судов, не являющихся органами Организации Объединенных Наций, таких, как Международный трибунал по морскому праву или будущий Международный уголовный суд. Совет Лиги Наций запрашивал мнения Суда от имени других международных организаций, хотя в Уставе Лиги Наций такая практика не была предусмотрена. Генеральная Ассамблея также имеет право действовать от имени различных судебных органов.

19. Джон Донн сказал: «Нет человека, который был бы как остров, весь в себе». Этот образ вполне отражает нынешнее положение в международном праве. Каждый международный судебный орган должен осознать, что он представляет собой всего лишь часть целого и никогда не является самоценным институтом. Необходимо определить место новых судебных органов в общей системе и установить новые связи между ними, если ставится задача сохранения цельности права и его дальнейшего функционирования на благо всех членов международного сообщества.

20. **Г-н Леанца** (Италия) говорит, что Председатель Международного Суда правильно подчеркнул опасности юрисдикционных коллизий, возникающих в результате увеличения количества международных судебных органов. Хотя более упорядоченный диалог между различными международными трибуналами принес бы определенную пользу, представляется затруднительным предусмотреть механизмы, которые повысили бы эффективность этого диалога. Необходимо найти равновесие между необходимостью в последовательности решений и необходимостью гарантировать независимость различных трибуналов. В частности, он был бы

признателен за разъяснение того, не будет ли механизм запроса консультативного мнения Суда через Совет Безопасности или Генеральную Ассамблею чреват опасностью политического контроля за международными судебными органами, поскольку Совет и Ассамблея всегда смогут свободно решать, запрашивать ли такое мнение.

21. **Г-н Рао** (Индия) говорит, что различные трибуналы были учреждены в соответствии с различными договорами, участниками которых являются различные государства. То, что уже сделано, нельзя повернуть назад. Предлагалось, чтобы между трибуналами были установлены судебно-правовые связи, с тем чтобы избежать дублирования и обеспечить надзор со стороны инстанций более высоких уровней, однако затруднительно представить себе, как можно добиться этого с учетом того, что не все государства назначают своих представителей в одни и те же органы.

22. **Г-н Камто** (Камерун) говорит, что в течение последнего десятилетия XX века Суд, несомненно, приобрел небывалый ранее авторитет и вес. Это очевидным образом подтверждается резким увеличением количества рассматриваемых им дел.

23. Разнообразие географии сторон указывает на то, что Суд сумел вызвать у государств, признающих его юрисдикцию, большее доверие и развеять подозрения, которые омрачали отношение к нему после решений, вынесенных им по делам о Юго-Западной Африке в 1966 году. Почти все его решения являют собой образец четкости и точности и вносят существенный вклад в теорию международного права.

24. Тем не менее затяжка с правосудием — это отказ в правосудии. Затяжка с урегулированием определенных споров, находящихся на рассмотрении Суда, делает некоторые ситуации необратимыми и создает условия для ухудшения в других ситуациях. Это в особенной степени относится к спорам, связанным с вооруженным конфликтом.

25. Сменявшие друг друга председатели Суда указывали по различным поводам, что процедурные задержки происходят не только по вине Суда, но и по вине самих сторон. Суд постоянно стремится улучшать методы своей работы, с тем чтобы экономить время, и он призывает стороны

поступать таким же образом. Тем не менее государства, являющиеся сторонами в разбираемых Судом делах, несомненно, ожидали бы окончательного решения более терпеливо, если бы определяемые Судом временные меры имели обязательную силу для всех сторон, и благодаря этому могли эффективно осуществляться на месте.

26. Ему известны трудности, с которыми сталкивается Суд в процессе своей работы. Председатель подробно останавливался на них в других своих выступлениях и приводил соответствующие примеры. Существует колоссальное несоответствие между объемом работы, которого требуют от Суда государства, и предоставляемыми ему скромными ресурсами. Он надеется, что Суд будет обеспечен материальными и финансовыми средствами, необходимыми ему для выполнения своего мандата в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

27. Тем не менее это не решает проблему юридической силы определяемых Судом временных мер. Сам Суд воздержался от определенного ответа по этому вопросу, и мнения юристов разделились. Впрочем, он не понимает, зачем сторонам в разбирательстве тратить свою энергию и ресурсы на поддержку таких мер или борьбу с ними, если эти меры все равно не будут иметь юридической силы или практических последствий. Аналогичным образом, в таких условиях нет никакого смысла требовать от Суда приостановить рассмотрение всех других дел, с тем чтобы рассмотреть просьбы о вынесении решения о таких мерах. Представляется затруднительным объяснить, почему решения главного судебного органа Организации Объединенных Наций, мандат которого включает внесение вклада в поддержание мира с помощью права, представляют собой лишь не имеющие обязательной силы предложения, поскольку ссылка на статью 94 Устава для приведения их в исполнение невозможна.

28. Председатель Суда правильно обратил внимание на опасность коллизий международных юрисдикций в результате увеличения количества трибуналов. Тем не менее он задается вопросом, не было ли бы более уместным сопоставить методы работы и правила процедуры различных судебных органов. Международный Суд является единственным международным трибуналом, в котором понятие срочности, оправдывающей

вынесение решения о временных мерах, лишено всякого смысла. Даже в Международном трибунале по морскому праву решения, выносимые в порядке упрощенного судопроизводства, являются обязательными для сторон. Этот вопрос необходимо рассмотреть, если Статут Суда будет когда-нибудь пересматриваться.

29. **Г-н Вуд** (Соединенное Королевство) говорит, что ему представляется важным не преувеличивать трудности, возникающие в связи с ростом количества международных судов, который, с его точки зрения, представляет собой скорее возможность, чем реальность. Более серьезной проблемой является «форум-шоппинг» и возможность того, что аспекты одного и того же спора могут заслушиваться различными трибуналами. При формулировании предложений об образовании новых международных органов необходимо определять их реальную необходимость. Кроме того, нужно больше доверять мудрости судей.

30. Он разделяет обеспокоенность Председателя Суда в связи с тем, что специализация способна привести к несоблюдению основных принципов международного права. Существует все больше и больше специалистов, не имеющих глубокой подготовки в области международного публичного права.

31. Непонятно, можно ли действительно ожидать от других трибуналов того, чтобы они приостанавливали разбирательство и передавали соответствующие вопросы Международному Суду. Такой механизм может использоваться только в весьма исключительных случаях.

32. **Г-н Экедеде** (Нигерия) просит уточнить, будет ли Международному уголовному трибуналу по Руанде и Международному трибуналу по бывшей Югославии, а также Международному уголовному суду, когда он будет создан, разрешено передавать дела в Международный Суд в качестве апелляционного судебного органа и потребует ли это изменения Статута Суда.

33. Следует также представить более подробную информацию о том, почему Суд ведет делопроизводство только на английском и французском языках, тогда как в Организации Объединенных Наций имеется шесть официальных языков.

34. **Г-н Томка** (Словакия) зачитывает статью 6 проектов статей об ответственности государств, представленных Комиссией международного права (A/55/10, глава IV), которая предусматривает, что поведение отдельного лица или группы лиц рассматривается как деяние государства, если это лицо или группа лиц фактически действовали под руководством или контролем этого государства. В тексте не говорится об «эффективном контроле» или «общем контроле»; тем не менее Международный Суд использовал термин «эффективный контроль» в своем решении по делу *Никарагуа против Соединенных Штатов Америки*, тогда как Международный трибунал по бывшей Югославии в своей недавней судебной практике сослался на «общий контроль». Возможно, Специальному докладчику следует изложить свои взгляды по этому вопросу. Было бы также полезно, если бы он смог уточнить практику Суда в разрешении дел без вынесения суждения по всем юридическим аргументам, представленным сторонами.

35. **Г-н Кану** (Сьерра-Леоне) говорит, что его делегация поддержит любую просьбу об увеличении ресурсов Суда.

36. Насколько он понимает, если Суд является главным судебным органом Организации Объединенных Наций, то его решения и предписания должны быть обязательными для всех других судебных инстанций. Тем не менее представляется, что это не так. Он хотел бы получить по этому вопросу дополнительную информацию.

37. **Г-Абдалла** (Судан) выражает согласие с тем, что увеличение количества международных судов создает реальную угрозу того, что несколько судов будут разбирать одно и то же дело. Это не только нанесло бы ущерб необходимой ясности правовых норм, но и привело бы к оттоку ресурсов из и без того скудного бюджета Международного Суда. Эта проблема представляет собой вопрос политической воли. Те государства, которые игнорируют Суд и передают свои дела другим судам, делают это по политическим мотивам.

38. **Г-н Гийом** (Председатель Международного Суда), отвечая на поставленные вопросы, говорит, что официальные языки Суда — французский и английский — предусмотрены в статье 39 его

Статута, который представляет собой составную часть Устава Организации Объединенных Наций. Тем не менее Суд осознает, что информация о его работе должна широко распространяться, и по этой причине его «голубая книга», представляющая собой справочник о его функционировании и судебной практике, публикуется на всех официальных языках Организации Объединенных Наций. На сайте Суда в Интернете имеются некоторые материалы на испанском языке. В соответствии со своим статутom Суд может также санкционировать использование другого языка, помимо французского и английского, и он готов делать это по просьбе одной из сторон, если эта сторона оплатит необходимые услуги по письменному и устному переводу. В 1923 году Постоянная Палата Международного Правосудия разрешила Германии использовать немецкий язык в *деле об Уимблдоне*, а в современный период Суд разрешил Испании использовать испанский язык при разбирательстве по *делу о компании «Барселона Трэкин»*.

39. Представитель Камеруна упомянул о временных мерах, предусмотренных в статье 41 Статута. Все еще не решенный окончательно вопрос о том, являются ли такие меры обязательными для сторон, вскоре может быть решен, поскольку он был поднят в контексте находящегося на стадии рассмотрения спора между Германией и Соединенными Штатами Америки.

40. Что касается вопроса о том, повысится ли авторитет Суда, если он будет более полно рассматривать аргументы сторон в представленных Суду делах, вместо того чтобы выносить решения исключительно на основе собственных рассуждений, то рассмотрение судами только тех вопросов, которые имеют отношение к спору, является обычной практикой. Кроме того, сосредоточение внимания на этих вопросах облегчает процесс достижения единогласного и обоснованного решения. Например, в *деле о территориальном споре между Чадом и Ливией* Суд указал в своем решении, объем которого составил лишь 32 страницы, что спорная граница была определена ранее в договоре между Францией и Ливией. Памятные записки, представленные по этому делу, составили 25 томов. Решение Суда, принятое практически единогласно, было исполнено в течение трех месяцев под надзором

Совета Безопасности. Если бы Суд попытался изучить историю этого вопроса до заключения вышеупомянутого договора, то такое единодушие и оперативность исполнения едва ли могли быть достигнуты. Суд вынужден обеспечивать равновесие между задачами развития международного права и необходимостью выносить решения по представляемым ему делам.

41. Обращаясь к вопросу об авторитете Суда по сравнению с другими международными судами, он говорит, что суть проблемы коренится в значительном количестве таких судов. Это имеет положительный аспект, состоящий в том, что право может развиваться различными путями. Тем не менее отрицательная сторона заключается в том, что судебная практика может также варьироваться достаточно произвольно, и в случае с Трибуналом по бывшей Югославии различие в подходе привело к возникновению фактического несоответствия с установившейся судебной практикой Суда. Он уже имел возможность предложить свой вариант решения этой проблемы; разумеется, он обуславливает возникновение других проблем. Представитель Италии интересовался, не ограничит ли независимость других международных судов использование ими процедуры запрашивания консультативных мнений. Если будет принят такой вариант решения, то необходимо заблаговременно изложить всю предполагаемую процедуру в письменном виде, и ни Совет Безопасности, ни Генеральная Ассамблея не должны иметь право изменять запрос, с которым обращаются суды. В любом случае, процедура запрашивания консультативного мнения может использоваться лишь в исключительных обстоятельствах. Вне всяких сомнений, в настоящее время нет оснований предполагать, что проблема коллизий в судебной практике может быть решена каким-либо иным образом.

42. Что касается вопроса, поднятого представителем Индии, то сами государства должны определить надлежащие связи между различными юрисдикциями, что не просто, поскольку не все государства являются участниками одних и тех договоров. Это — вопрос наличия политической воли с их стороны.

43. Что касается вопроса, поднятого представителем Сьерра-Леоне, то в соответствии со статьей 59 Статута Суда его решения обязательны

лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу, хотя принцип *res judicata* связывает вступающие в дело государства, когда дело связано с толкованием договора. Тем не менее аргументация решений Суда считается весьма авторитетной, и он надеется, что другие международные суды будут учитывать это должным образом. Это не означает, что он рассчитывает на превращение Суда в апелляционную инстанцию, поскольку это потребовало бы принципиальных изменений нынешней системы.

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (продолжение) (A/55/10)

44. Г-н Тронкосо (Чили), касаясь главы IV доклада, говорит, что необходимо предпринять совместные усилия для достижения консенсуса по проектам статей об ответственности государств в форме проекта конвенции. Договор имел бы обязательную силу и обеспечил бы максимальную правовую определенность. Более того, для достижения полной эффективности многих механизмов и учреждений, предусмотренных в договорной форме. Однако он настоятельно призывает применять гибкий подход и не исключает возможности того, что в предварительном порядке проекты статей будут приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи и тем самым будут служить в качестве своего рода руководства для государств и Международного Суда и других международных трибуналов. Такое решение следует рассматривать как отправной пункт для последующей кодификации данной темы в форме договора.

45. В связи с вопросом об обязательствах *erga omnes* его делегация предпочла бы сохранить различие между международными деликтами и международными преступлениями, что является ценным вкладом в развитие международного права. Однако для достижения консенсуса оказалось целесообразным исключить бывший проект статьи 19 и заменить его новым проектом статьи 42 о последствиях нарушений обязательств перед международным сообществом в целом. Эта концепция возникла в международном праве в связи с разработкой концепции императивных норм общего международного права или *jus cogens* и в конечном счете завершилась принятием статей 53 и

64 Венской конвенции о праве договоров. В деле *Barcelona Traction* Международный суд провел различие между такими обязательствами и обязательствами, возникающими вследствие взаимоотношений с другими государствами в контексте дипломатической защиты. Концепцию «международного сообщества государств в целом» следует сохранить, с тем чтобы исключить международные организации и другие международные субъекты, такие, как неправительственные организации и даже частные лица. В то же время концепция международного сообщества государств, судя по всему, является менее строгой, чем концепция «всех государств», поскольку обязательства перед первым необязательно следует рассматривать как императивные нормы для каждого отдельного государства при условии, что они признаются широким большинством. Это дает гарантию того, что вето меньшинства не может предотвратить возникновения обязательств.

46. Необходимо также упомянуть об обратной стороне обязательств *erga omnes*, а именно о концепции *actio popularis* со стороны государств. Следствием нарушения обязательств такого рода является то, что любое государство — член международного сообщества может сослаться на ответственность независимо от того, является ли оно непосредственной жертвой противоправного деяния, и его делегация выступает именно за такой подход.

47. В связи с урегулированием споров необходимо проводить различие между спорами, регулируемые обычными нормами, которые применяются в отношении международно-противоправных деяний, приводящих к возникновению ответственности государств, и спорами, возникающими вследствие применения или толкования норм, содержащихся в любой будущей конвенции. Первые, по его мнению, выходят за рамки ответственности государств и регулируются общими нормами международного права; они не должны рассматриваться в проекте статей, за исключением контрмер. Последние следует охватить положением об урегулировании споров, возникающих вследствие толкования или применения будущей конвенции.

48. Ограничения, установленные в настоящее время в проектах статей о контрмерах,

представляются уместными с учетом децентрализованного характера международного общества и силовых взаимоотношений между государствами. Однако контрмеры являются эффективным инструментом права, и ограничения такого рода не должны лишать их целесообразности. Подобные меры были бы недопустимыми в условиях режимов, которые предусматривают встроенные механизмы, приводимые в действие в случае нарушения их положений. Когда правом на принятие контрмер располагают несколько государств, необходимо решить, применима ли концепция соразмерности в отношении мер, используемых каждым государством в отдельности против нарушителя, или же в отношении всех мер, принимаемых вместе. Судя по всему, проект статьи 54 говорит скорее в пользу второго варианта, однако этот принцип следует отразить более четко, с тем чтобы избежать в будущем проблем с толкованием этой весьма важной нормы.

49. Он одобряет содержание проекта статьи 51. Указывалось, что в случае принятия контрмер может иметь место нарушение некоторых прав человека. Это верно, однако в проекте статьи также указывается, что даже те права человека, которые могут нарушаться в крайних случаях, не должны ущемляться вследствие принятия контрмер. Было бы целесообразно включить в число обязательств, не затрагиваемых контрмерами, обязательства, запрещающие применение крайних политических или экономических мер, которые могут создавать угрозу для существования государства.

50. В отношении пункта 2 проекта статьи 53 он не считает, что потерпевшее государство непременно должно предлагать провести переговоры во всех случаях. В весьма серьезных ситуациях, таких, как грубые и систематические нарушения Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, может не оставаться достаточно времени для переговоров, и единственная законная альтернатива будет заключаться в полном прекращении такого поведения. В целом было бы целесообразнее возложить обязанность по проведению переговоров не на потерпевшую сторону, а на виновного в совершении противоправного деяния. Наконец, он считает, что следует провести различие между контрмерами,

которые государство имеет право применять в связи с противоправным деянием другого государства, и контрмерами в связи с противоправным деянием, возникшим вследствие неспособности другого государства выполнить решение международного суда. В первом случае оценка такого деяния осуществляется в одностороннем порядке; во втором случае невыполненные обязательства исходят от третьей, непредвзятой стороны, решения которой стороны в споре обязались выполнять.

51. Переходя к вопросу о дипломатической защите в главе V доклада, он говорит, что данная тема должна остаться частью общих норм международного права, несмотря на растущую способность индивидуумов обеспечивать свои права, например права человека и защиту инвестиций на международном уровне. Все еще имеют место случаи, когда индивидуумы вынуждены обращаться в целях защиты своих прав не в международные органы, а к своим собственным государствам. Установленную в деле *Nottebohm* норму, в соответствии с которой для этого должна существовать реальная и эффективная связь между индивидуумом и государством, не следует понимать в абсолютном смысле. Для целей дипломатической защиты обычно считается достаточным доказательство наличия эффективной связи, если правовая связь, каковой является гражданство, отражает реальную связь с государством, к которому обращаются за защитой. Таким образом, норма будет соблюдена, если то или иное лицо имеет гражданство данного государства, и доказательство должно быть представлено лишь в том случае, если речь идет о натурализации или двойном гражданстве, и государство, к которому обращаются за защитой, высказывает возражение.

52. В отношении вопроса о том, может ли государство осуществлять дипломатическую защиту в отношении одного из своих граждан, который сохраняет эффективную связь с этим государством, поддерживая при этом более слабые связи с другим государством, гражданином которого данное лицо также является, он говорит, что такая ситуация удовлетворяет требованию о том, чтобы данное лицо поддерживало эффективную связь с государством, осуществляющим дипломатическую защиту, а также критерию более прочной связи де-факто. Таким образом, более слабая связь, которую такое

лицо может поддерживать с другим государством, является недостаточной для осуществления этим государством дипломатической защиты, и поэтому она не приводит к возникновению ситуации, когда несколько государств могут осуществлять такую защиту в отношении одного и того же лица. В связи с вопросом о том, может ли государство осуществлять защиту одного из своих граждан, имеющих двойное гражданство, от третьего государства, гражданином которого пострадавшее лицо не является, без необходимости доказательства наличия эффективной связи между ним и этим лицом, в принципе следует исходить из того, что любое из двух государств гражданства может осуществлять такую защиту без необходимости представления доказательств наличия такой связи. Такое исходное предположение может быть отвергнуто, но лишь в том случае, когда третье государство оспаривает наличие эффективной связи между этим лицом и государством, осуществляющим дипломатическую защиту.

53. В отношении проекта статьи 8 он говорит, что дипломатическая защита лиц без гражданства является оправданной с учетом неустойчивого правового статуса последних. Поэтому такая норма является приемлемой при условии, что данное лицо, как правило, не только законно проживает в государстве, осуществляющем защиту, но и имеет другие реальные связи с этим государством, например его или ее семейные связи, интересы и место профессиональной деятельности. Аналогичное положение следует предусмотреть для беженцев, поскольку они не могут ожидать защиты от государства, которое они покинули, обоснованно опасаясь преследований.

54. Он сомневается, относится ли проект статьи 2 к вопросу о дипломатической защите. Содержание этой статьи следует рассматривать в связи с гуманитарной интервенцией. Его делегация заинтересована в проведении исследования по данному вопросу, который рассматривается на других форумах Организации Объединенных Наций при активном участии его страны. Он согласен с Комиссией в том, что проект статьи 2 не следует включать. В последующих докладах Специальный докладчик должен обсудить вопрос об инициативе в деле осуществления дипломатической защиты, с тем чтобы установить, должна ли такая защита

осуществляться по инициативе индивидуума или соответствующего государства.

55. Он приветствует работу, проведенную Комиссией и Специальным докладчиком по проектам статей об односторонних актах государств. Такие акты часто осуществляются в международных отношениях и, следовательно, должны регулироваться с помощью консенсуального правового документа. Венская конвенция о праве договоров 1969 года является важным отправным пунктом для выработки такого документа; некоторые из ее положений, особенно те, которые касаются способности государств, лиц, представляющих государство, отсутствия обратной связи и действительности и до некоторой степени прекращения или приостановления действия, могли бы применяться *mutatis mutandis* к формулированию односторонних актов.

56. Он поддерживает нынешнее определение односторонних актов, содержащееся в проекте статьи 1, в той мере, в какой оно прямо предусматривает «намерение» субъекта и правовые последствия, которые этот акт должен вызвать. Необходимо также включить в проект идею самостоятельности, понимаемой как независимость в отношении других имевших место ранее правовых актов и свободу государства формулировать такой акт. Он поддерживает проект статьи 2, предложенный Специальным докладчиком. В том, что касается проекта статьи 3 о лицах, правомочных совершать односторонние акты от имени государства, в отношении односторонних актов следует ограничительно применять соответствующее положение Венской конвенции 1969 года. Таким образом, если пункт 1 проекта статьи 3 является приемлемым, пункт 2, который касается практики государств и иных обстоятельств, создает проблемы из-за трудности, связанной с установлением наличия такой практики или обстоятельств.

57. В проекте статьи 4 речь идет о ситуации, которая вполне возможна в международных отношениях, поскольку лица, помимо тех, которые упомянуты в пункте 1 проекта статьи 3, могут формулировать акты, вызывающие правовые последствия для их государств. Ввиду исключительного характера этого положения требование о последующем прямом подтверждении имеет важное значение; в данном проекте статьи

необходимо также уточнить, что такое подтверждение должно быть дано в письменном виде, с тем чтобы его можно было проверить. Проект статьи 5, который касается недействительности односторонних актов, является в целом приемлемым. Однако основание для недействительности, изложенное в пункте 8, должно включать требования, аналогичные тем, которые содержатся в Венской конвенции 1969 года; в противном случае оно могло бы создать для государств слишком широкие возможности, позволяющие избегать выполнения международных обязательств. Такое основание для недействительности было бы приемлемым, если бы оно предусматривало, что упоминаемое в нем нарушение должно носить явный характер.

58. В том, что касается оговорок к договорам, Венские конвенции 1969, 1978 и 1986 годов создали прочную основу для их регулирования. Однако опыт показывает, что некоторые вопросы в этой области не охвачены надлежащим образом. Это не означает, что положения Венских конвенций следует изменить; скорее следует направить усилия на заполнение лагун в существующем режиме за счет разработки руководства по практике. Любые изменения существующих положений могли бы привести к ненужной нестабильности или поставили бы под сомнение нынешний режим.

59. Проекты основных положений об оговорках к договорам способствуют устранению сомнений относительно характера некоторых односторонних заявлений в отношении договоров. Необходимо установить более четкий руководящий принцип в отношении критериев различия между оговоркой и заявлением о толковании для решения проблем, которые возникают на практике. Это различие должно зависеть от последствий, а не от названий таких заявлений. Проект основного положения 1.3.1 касается «намерения государства или международной организации» как фактора, который необходимо учитывать при установлении такого различия. Однако эти критерии должны быть максимально объективными и касаться последствий обоих видов заявлений.

60. Последующие оговорки представляют собой интересную концепцию, однако их необходимо весьма строго регулировать в случаях, когда они не разрешены самим договором. Традиционно оговорки можно формулировать лишь в момент

выражения согласия на обязательность договора, поскольку они изменяют его правовые последствия. Хотя это общее правило необходимо сохранить, оно не является императивной нормой, которая не может быть изменена волей сторон договора, являющихся своего рода хозяевами правового режима, создаваемого договором. Поэтому в отношении договоров, которые не содержат положений о последующих оговорках, допустимость таких оговорок должна являться предметом определенных условий, таких, как единодушное согласие сторон. Это требование о единодушном согласии было бы достаточной гарантией от возможных злоупотреблений.

61. **Г-н Нихаус** (Коста-Рика) говорит, что проекты статей об ответственности государств, принятые в предварительном порядке во втором чтении, являются в целом сбалансированными и реалистичными. Они представляют собой приемлемую кодификацию норм обычного права по данной теме, а также содержат новые элементы, призванные обеспечить приемлемый режим, регулирующий ответственность государств с учетом новых реальностей в международных отношениях.

62. Он приветствует проводимое в проектах статей различие между принципами, применимыми в отношении серьезных нарушений обязательств государств перед международным сообществом в целом, и принципами, применимыми в отношении менее серьезных нарушений. Аналогичным образом он приветствует конкретное различие между правами государств, затрагиваемых серьезными нарушениями обязательств перед международным сообществом, и правами государств, потерпевших вследствие нарушения двустороннего обязательства. Он также поддерживает включение проекта статьи 49, поскольку он позволит любому государству, имеющему интерес в выполнении обязательства, предусмотренного для защиты коллективного интереса международного сообщества, ссылаться на ответственность государства, совершившего международно-противоправное деяние, и позволит также такому государству добиваться возмещения за ущерб, причиненный бенефициарам нарушенного обязательства. Эта норма необходима для того, чтобы режим, регулирующий международную ответственность, мог применяться в отношении прав человека и положений международного

гуманитарного права, имеющих силу *jus cogens*, и содействовал укреплению международного режима защиты прав человека.

63. Положения о серьезных нарушениях обязательств государств перед международным сообществом в целом должны затрагивать обязательства, которые имеют важнейшее значение для защиты основных интересов международного сообщества. Включение в пункт 2 статьи 41 дополнительного требования о том, что невыполнение такого обязательства должно носить явный и систематический характер, является, таким образом, нецелесообразным. В принципе, последствия, предусмотренные в проекте статьи 42 и пункте 2 проекта статьи 54, являются приемлемыми. Однако он сомневается в том, что статья 42, предусматривающая обязательство возмещать убытки, содержит необходимый элемент наказания. Было бы предпочтительнее просто указать, что такие нарушения влекут за собой обязательство возмещать ущерб в соответствии с проектами статьи 35 и последующих статей. Обязательства, перечисленные в пункте 2 статьи 42, могут быть неверно истолкованы, поскольку они, судя по всему, допускают любой вид сотрудничества с целью положить конец нарушению императивной нормы международного права. В данном пункте должна содержаться прямая ссылка на контрмеры в соответствии с пунктом 2 статьи 54, а в комментарии следует уточнить, что данная норма никоим образом не узаконивает применение силы, кроме как в полном соответствии с духом и буквой Устава Организации Объединенных Наций.

64. В связи с вопросом о приемлемости требований он удовлетворен тем, что проект статьи 45(b) предусматривает, что для соблюдения правила об исчерпании внутренних средств правовой защиты необходимо исчерпать лишь все доступные и эффективные средства, что представляет собой выраженные в сжатом виде, но эффективным образом исключения из этого правила, предусматриваемые обычным правом. Он решительно поддерживает решение Комиссии максимально ограничить применение контрмер и использовать их в качестве средства содействия проведению переговоров, хотя предпочел бы полностью запретить применение контрмер, которые являются несправедливыми, поскольку они

эффективны лишь в руках великих держав, в то время как страны с менее значительными ресурсами и меньшим влиянием могут стать жертвой злоупотребления ими. Однако, поскольку международное сообщество пока еще не располагает центральным органом по обеспечению соблюдения государствами своих обязательств, приходится признать целесообразность контрмер. Он приветствует достигнутое в проектах статей равновесие между нормами обычного права и новыми элементами, направленными на поощрение и прогрессивное развитие международного права.

65. Проект статьи 51 должен содержать указание на то, какие именно контрмеры запрещаются. К их числу должны относиться контрмеры, которые противоречат существующим нормам, касающимся неприменения силы, прав человека и международного гуманитарного права, наряду с другими императивными нормами международного права. В проекте статьи 52 следует отметить, что контрмеры не только должны быть соразмерны понесенному ущербу, но и должны носить такой характер, чтобы побудить соответствующее государство выполнить данное обязательство. Комиссии следует рассмотреть пути оказания воздействия на государства, которые злоупотребляют контрмерами или не применяют их добросовестно. Он поддерживает содержащееся в проекте 53 требование о том, что государства должны предлагать провести переговоры, прежде чем применять контрмеры. Пункт 5 этого проекта статьи должен стать отдельным проектом статьи и предусматривать, что, когда контрмеры приостановлены, те из них, которые необходимы для защиты прав потерпевшего государства, могут сохраняться до тех пор, пока суд или трибунал не примет временные меры. Он интересуется, применимы ли условия, устанавливаемые в отношении применения контрмер, в случае нарушений обязательств *erga omnes* или императивных норм международного права. В таких случаях требование о проведении переговоров следует исключить.

66. Он приветствует гибкость проекта статьи 39, поскольку международная практика и правовые нормы не подтверждают однозначным образом наличие обязательства выплачивать проценты во всех случаях. Необходимо изменить формулировку пункта 2 проекта статьи 37, чтобы добиться его

большой гибкости. Он сомневается в целесообразности устаревших требований относительно того, что государства должны предоставлять сатисфакцию и гарантии неповторения, которые упоминаются в проектах статей 38 и 30(b).

67. Хотя он предпочел бы, чтобы проекты статей были приняты в виде обязательного правового документа, он не будет возражать против их принятия в форме не имеющей обязательного характера декларации Генеральной Ассамблеи, с тем чтобы они служили в качестве ориентира, в интересах обеспечения того, чтобы данный текст не был отвергнут полностью из-за препятствий, с которыми сопряжен процесс переговоров по обязательному документу.

68. **Г-н Уинклер** (Австрия) говорит, что наступило время завершить работу над темой об ответственности государств и определить, какую форму должны принять проекты статей. Недавняя практика свидетельствует о тенденции, в соответствии с которой предпочтение отдается резолюциям Генеральной Ассамблеи, а не традиционной форме обязательного правового документа. Хотя последний имеет преимущество с точки зрения правовой надежности, он также может оказаться бесполезным или даже вредным в случаях, когда значительное число государств или государств, представляющих основные региональные правовые системы, не ратифицируют данный инструмент или когда практика государств в долгосрочном плане развивается в совершенно ином направлении.

69. Ввиду сложности вопросов, связанных с ответственностью государств, переговоры об обязательном правовом документе неизбежно будут трудными и могут поставить под угрозу то деликатное равновесие, которое достигнуто в нынешнем тексте Комиссии. Поэтому Австрия выступает за принятие проектов статей в виде резолюции Генеральной Ассамблеи. Обстоятельства, связанные с принятием такой резолюции, выбранная терминология и степень реального консенсуса будут иметь практические последствия для осуществления статей. В резолюции Генеральная Ассамблея должна принять к сведению статьи как подтверждение норм международного права; она не должна заниматься какими-либо изменениями формулировок статей.

Таким образом, нравственное и практическое значение, которое имеет одобрение Ассамблеей, повысит профессиональный авторитет Комиссии. В случае избрания такого пути некоторые из проектов статей необходимо будет адаптировать, а проекты статей, касающиеся урегулирования споров, необходимо будет исключить. Однако для урегулирования споров всегда можно будет использовать существующие механизмы. Он поддерживает замечания Председателя Международного Суда по этому вопросу.

70. Нынешний вариант проектов статей является более четко сформулированным и сбалансированным, чем предыдущие варианты. Исключение ссылок на некоторые маловероятные возможности сделало текст более реалистичным и поэтому более приемлемым с точки зрения его вероятного воздействия на принятие решений и практику государств. Исключение некоторых проектов статей, касающихся первичных норм международного права, также представляет собой шаг вперед.

71. К числу конкретных положений, которые необходимо изучить более внимательно, относятся положения, касающиеся вопроса о компенсации за моральный ущерб. Согласно большинству учебников по международному праву, моральный ущерб, понесенный государством, может покрываться не материальным возмещением, а лишь сатисфакцией. Однако проекты статей, в особенности пункт 2 статьи 31, статья 37 и пункт 1 статьи 38, могут быть истолкованы иначе. В пункте 2 статьи 37 говорится, что компенсация должна охватывать любой «оценимый с финансовой точки зрения ущерб». В рамках некоторых правовых систем материальный ущерб считается оценимым с финансовой точки зрения, поэтому юристы из таких государств будут толковать данное положение как обязывающее ответственное государство выплатить компенсацию за моральный ущерб. Такое толкование, судя по всему, подтверждается пунктом 1 статьи 38, который предусматривает сатисфакцию за ущерб, если этот ущерб не был возмещен путем реституции или компенсации. Изменение норм международного права в целях введения концепции компенсации за моральный ущерб требует принятия специального решения; его делегация сомневается в том, что

такое изменение является обоснованным или практически целесообразным.

72. В том что касается серьезных нарушений важнейших обязательств перед международным сообществом, он одобряет переход от ссылки на «международные преступления» к более ограничительному пониманию обязательств *erga omnes*. Недостатком нового решения является то, что, определяя серьезные нарушения в пункте 2 статьи 41 как нарушения, которые влекут за собой явное и систематическое невыполнение обязательства, это решение не позволяет объективным образом провести различие между серьезными и другими нарушениями, особенно в области прав человека и охраны окружающей среды, где данная концепция имеет наиболее конкретное практическое значение. Серьезные нарушения влекут за собой обязательства для всех государств, включая содержащееся в пункте 2 статьи 41 обязательство по мере возможности сотрудничать с целью положить конец нарушению. Остается неясным, относится ли оно к сотрудничеству в деле принятия контрмер по статье 54 или является отдельным обязательством и подпадает ли оно под ограничения.

73. В соответствии с пунктом (b)(iii) статьи 43 понятие «потерпевшего государства» распространяется на «все соответствующие государства» в некоторых ситуациях, которые предположительно охватывают определенные нормы *jus cogens* и глобальные соглашения в области охраны окружающей среды. Следует уточнить, однако, имеется ли также в виду распространить это положение на международные документы в области прав человека, конкретно исключенные из аналогичного положения пункта 5 статьи 60 Венской конвенции о праве договоров 1969 года.

74. Одно из достижений Специального докладчика заключается в сведении концепции обязательств *erga omnes* до приемлемого и реалистичного уровня. В новой статье 49 предусматривается ссылка на ответственность со стороны других государств, помимо потерпевшего государства, если нарушенное обязательство является обязательством перед группой государств, например сторонами многостороннего договора по правам человека или окружающей среде, или перед международным сообществом в целом при

применении норм *jus cogens* или в довольно редких случаях договоров практически универсального характера.

75. В соответствии с новой статьей 49 другие государства, помимо потерпевшего государства, могут добиваться прекращения международно-противоправного деяния и предоставления гарантий неповторения; они могут даже требовать соблюдения обязательства о возмещении от имени потерпевшего государства или бенефициаров нарушенного обязательства. Рассмотрению этой концепции стоит уделить внимание, однако она требует дополнительных размышлений. В отсутствие положения о сотрудничестве различные государства могут выдвигать непоследовательные или даже противоречивые требования, и соблюдение одного такого требования вместо других может еще больше осложнить ситуацию. Пункт 3 статьи 49 должен по крайней мере содержать положение о сотрудничестве, аналогичное положению в пункте 3 статьи 54, касающемуся сотрудничества в деле принятия контрмер. Еще более разумное решение заключалось бы в установлении обязательства со стороны всех государств, заинтересованных в осуществлении своих прав по пункту 3 статьи 49, договориться о совместных требованиях.

76. Контрмеры как средство обеспечения соблюдения обязательств *erga omnes* являются довольно щекотливой проблемой. Проект заметно изменился со времени первого чтения. В его нынешнем варианте другие государства, помимо потерпевшего государства, могут принимать контрмеры лишь по просьбе потерпевшего государства в связи с не имеющими серьезного характера нарушениями обязательств *erga omnes*. Они могут призывать к прекращению деяния и предоставлению гарантий неповторения в соответствии с пунктом 2 статьи 49, однако они не вправе ничего сделать для обеспечения соблюдения. Он сомневается, что имелась в виду достижение именно такого результата.

77. Однако в случае серьезных нарушений, которые определены в статье 41, в соответствии с пунктом 2 статьи 54 любое государство может принять контрмеры в интересах бенефициаров нарушенного обязательства. Это положение вносит неясность, поскольку оно охватывает две различных ситуации. Если серьезное нарушение отвечает

условиям пункта (b) статьи 43, любое данное государство является потерпевшим государством и как таковое имеет право принимать контрмеры, но не может в соответствии с нынешними проектами статей обращаться с требованиями в интересах бенефициаров нарушенного обязательства. Вряд ли является приемлемой ситуация, когда такое государство имеет возможность принимать контрмеры от имени бенефициаров, не попытавшись сначала добиться соблюдения обязательств от их имени. Для исправления этой ситуации в пункт 2 статьи 44 следует включить положение, аналогичное положению в пункте 2 статьи 49, касающемуся требований в интересах бенефициаров.

78. Более того, в его нынешней формулировке положение в пункте 2 статьи 54 создает впечатление, что в случае нарушения по смыслу статьи 41 любое государство может принимать контрмеры, не обратившись прежде с требованиями в соответствии с пунктом 2(b) статьи 49. Можно утверждать, что такое толкование исключается в силу пункта 1 статьи 53, однако он считает, что эту взаимосвязь следует сделать более четкой.

79. Сотрудничество в деле принятия контрмер, упомянутое в пункте 3 статьи 54, затрудняет следование принципу соразмерности, изложенному в статье 52. Возможное решение могло бы заключаться в добавлении к статье 53 положения, требующего от всех государств, намеревающихся принимать контрмеры, взаимно договориться о них до их принятия. Статья, которая касается условий, связанных с применением контрмер, в любом случае нуждается в переработке, поскольку в ней речь идет лишь о потерпевшем государстве. Ничто в нынешней редакции проектов статей не требует от другого государства, помимо потерпевшего, проводить переговоры с несущим ответственность государством до принятия контрмер.

80. В своей нынешней формулировке статья 59 о связи с Уставом Организации Объединенных Наций является двусмысленной. Из нее не вполне ясно, идет ли речь об обязательстве воздерживаться от угрозы силой или ее применения или же о компетенции органов Организации Объединенных Наций рассматривать случаи нарушения обязательства и, в этом последнем случае, идет ли речь о попытке установить первичное право Организации Объединенных Наций или

параллельное право принимать меры. В тексте не уточняется, должно ли иметь преимущественную силу возражение Совета Безопасности в отношении контрмер как угрозы миру. В статье должно быть четко указано, что контрмеры, принимаемые в рамках системы Организации Объединенных Наций, также должны носить соразмерный характер.

81. **Г-жа Даскалопулу-Ливада** (Греция) говорит, что работа, проведенная по теме об ответственности государств в прошлом году, представляет собой заметное продвижение вперед в самой важной области кодификации, которой когда-либо занималась Комиссия. Она твердо верит в то, что ее окончательной формой должна стать конвенция. Обязательный в правовом отношении документ, несомненно, будет иметь значительно более заметные последствия, чем декларация, даже если первоначально число его участников будет невелико.

82. Исключение статей о мирном урегулировании споров создало вакуум. Документ, касающийся нарушений международных обязательств, требует наличия системы урегулирования споров, каковая в идеале должна предусматривать принудительное урегулирование третьей стороной, решения которой являются обязательными.

83. Она выражает сожаление в связи с тем, что Комиссия исключила статью 19, которая была принята во первом чтении и касалась понятия международного преступления, совершаемого государством. Термину «международное преступление» присущ тот сдерживающий элемент, которого недостает термину «серьезное нарушение обязательства перед международным сообществом в целом». Более того, понятие «потерпевшего государства» в проекте, принятом в первом чтении, было более точным и более конкретным, чем понятие «государства, имеющего право ссылаться на ответственность», используемое в нынешнем проекте в связи с такими серьезными нарушениями.

84. Комиссия предприняла достойные похвалы усилия для заполнения этого пробела новыми положениями в статьях 34, 41, 42, 49 и 54. Хотя, к сожалению, не вполне ясно, касается ли статья 41 обязательств *erga omnes*, как они определены Международным Судом по делу *Barcelona Traction*, или обязательств, имеющих характер *jus cogens*,

или же какого-то другого, более ограниченного круга мер, которые могут составлять «преступление» государства. Этот вопрос не так уж важен. Более важная статья 42, касающаяся последствий серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом, должна быть несколько изменена в пункте 2(с), с тем чтобы указать, что другие государства должны сотрудничать друг с другом, а также с потерпевшим государством с целью положить конец нарушению.

85. Она считает, что контрмеры являются устаревшим понятием, выгодны более могущественным государствам и, таким образом, неприемлемы в международном сообществе, которое основывается на суверенном равенстве государств. Ее особенно беспокоит концепция временных контрмер в пункте 3 статьи 53, в соответствии с которой потерпевшее государство может отказаться от переговоров и непосредственно перейти к принятию односторонних мер. Эту концепцию следует исключить, и в отношении всех случаев должен применяться пункт 4 статьи 53. Кроме того, необходимо конкретно предусмотреть механизм урегулирования споров до применения контрмер. Более того, контрмеры не должны приниматься в одностороннем порядке каким бы то ни было государством, если международное сообщество занимается рассмотрением этого вопроса через Совет Безопасности. Соответствующее положение можно было бы включить в пункт 2 статьи 54.

86. В том что касается конкретных статей, фразу в пункте 1 статьи 50 «выполнить его обязательства по Части второй» и аналогичную фразу в пункте 1 статьи 53 «выполнению его обязательств по Части второй» необходимо заменить словами «выполнить его обязательства по международному праву». Представляется, что статья 39 о проценте во многом покрывается пунктом 2 статьи 37, в котором говорится, что компенсация охватывает «любой оцененный с финансовой точки зрения ущерб»; по этой причине можно было бы отказаться от специального положения о проценте.

87. В соответствии со статьей 53 контрмеры не могут приниматься или должны приостанавливаться, когда ведутся переговоры или если спор представлен на рассмотрение суда или трибунала, компетентных выносить обязательное для сторон решение. Однако никаких таких

положений не предусмотрено для других процедур урегулирования споров, например посредничества или примирения,

которые, по ее мнению, также должны служить основанием для приостановления или отсрочки принятия контрмер.

88. Она высказывается за сохранение термина «международное сообщество в целом» в пункте 1 статьи 34, пункте 1 статьи 41, пункте (b) статьи 43 и пункте 1(b) статьи 49. Эта концепция существует в международном праве и фигурирует в Статуте Международного уголовного суда.

89. Из новых тем, рекомендуемых для включения в долгосрочную программу работы Комиссии, она больше всего заинтересована в теме ответственности международных организаций. Рост числа международных организаций и их деятельность обуславливают необходимость разграничения их ответственности. Заслуживают внимания также последствия вооруженного конфликта для договоров. Тема общих природных ресурсов государств вполне могла бы быть рассмотрена Комиссией, если не будет иметь место совпадение с уже имеющимися конвенциями или текстами. Дублирования можно избежать, если выбрать количественный, а не качественный подход. Последняя предлагаемая тема, а именно риск фрагментации международного права, хотя и является весьма интересной, не поддается кодификации.

Заседание закрывается в 13 ч. 05 мин.